

18. 388. 5. 15

581

Московский Комитет Р. К. П.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Г. В. Плеханов

О Ч Е Р К И

ПО ИСТОРИИ МАТЕРИАЛИЗМА

Кооперативное Издательство
„Московский Рабочий“
1922.

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловие редактора	1
Предисловие автора	3
Гольбах	7
Гельвеций	44
Маркс	89
Приложения:	
Бернштейн и материализм	149
Конрад Шмидт против К. Маркса и Ф. Энгельса	161
Примечания редактора.	

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА.

Предлагаемые очерки Плеханова впервые появляются в полном виде на русском языке. По-немецки они были опубликованы в начале 1896 г. в «Международной библиотеке» Дица, под названием «Материалы для истории материализма. Гольбах, Гельвеций, Маркс».

В основу этих очерков легли те же изыскания в области истории философии, результаты которых Плеханов уже в 1895 г. изложил в своей, направленной против Михайловского, Кареева и др. книге: «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

Но маленькая главка о французском материализме XVIII века, вместе с несколькими замечаниями о Гольбахе и Гельвеции, в других главах, превратились в два больших очерка. Уже в русской книге Плеханов указал на зависимость французского материализма от учения Локка, который уже в конце XVIII в. доказывал, что *врожденных идей* не существует. «Издавая его учение французские материалисты придали ему более последовательный вид, ставя точки над такими «и», которых Локк не хотел касаться в качестве благовоспитанного английского либерала. Французские материалисты были бесстрашными, последовательными до конца сенсуалистами, т. е., они рассматривали все психические функции человека, как *видоизменение ощущений*». А «рассматривать психическую деятельность с этой точки зрения значит считать все представления, все понятия и чувства человека результатом *воздействия на него окружающей среды*».

Плеханов тогда же указал на коренное противоречие, которым страдал материализм XVIII века, не сумевший не только решить, но и правильно поставить вопрос о законах общественного развития. Правда, Гельвеций уже признавал, что развитие знаний подчиняется известным законам, что существуют какие-то скрытые, неизвестные причины, от которых оно зависит. Он,

как указал уже в своей русской книге Плеханов, «делает в высшей степени интересную, до сих пор не оцененную по достоинству попытку объяснить общественное и умственное развитие человечества *материальными его нуждами*».

Все эти положения, только намеченные в русской книге, подробно развиваются в немецкой. Изложение взглядов Гольбаха и Гельвеция и потому еще гораздо подробнее и «откровеннее», что в книге, вышедшей в условиях легальной русской печати— за десять лет до революции 1905 г.—Плеханов должен был быть очень осторожен, поскольку он излагал взгляды французских материалистов на земных и небесных богов.

Вот почему первые два очерка—о Гольбахе и Гельвеции—и до сих пор еще сохраняют свой интерес для русского читателя. Правда, после революции 1905 г., на русском языке появилось несколько работ о французских материалистах XVIII века, но не только в русской, а даже и в иностранной литературе нет лучшего изложения исторических и социологических идей Гольбаха и Гельвеция, чем то, которое дает нам в своих очерках Плеханов.

Чтобы дополнить изложение философских взглядов обоих французских материалистов—Плеханов сам признает, что он не хотел останавливаться на таком второстепенном вопросе, как теория познания—мы к этим очеркам присодинили две статьи в которых Плеханов, в полемике против Бернштейна и Конрада Шмидта, сопоставляет основные гносеологические (теоретико-познавательные) взгляды Канта и французских материалистов.

Как признавал и сам Плеханов, он использовал в виде указаний некоторые замечания, рассыпанные в произведениях Гегеля и Маркса. Так как речь идет главным образом о последнем, то, мы остановимся на замечаниях Маркса.

Непосредственным учеником и французским истолкователем Локка был Кондильяк, главный представитель французского сенсуализма.

«В своем сочинении «Опыт о происхождении человеческих знаний»—пишет Маркс в «Святом семействе»—он проводил мысль Локка и доказывал, что не только душа, но и внешние чувства, не только способность составлять идеи, но и способность воспринимать впечатления с помощью внешних чувств есть дело опыта и привычки. От воспитания и от внешних обстоятельств зависит, поэтому, все развитие человека».

«У Гельвеция, тоже исходившего из учения Локка, материализм получает чисто французский характер. Он непосредственно применяется к общественной жизни (Гельвеций, «О человеке»). Впечатления, получаемые внешними чувствами, себялюбие, наслаждение и правильно понятый личный интерес составляют основу всякой нравственности. Естественное равенство умственных способностей у всех людей, единство между успехами разума и успехами промышленности, природная склонность человека к добру, всемогущество воспитания — таковы главные моменты его системы».

О Гольбахе, которого Маркс ставил ниже Дидро и Гельвеция, он говорит лишь несколько слов. Он указывает, что в «Системе природы» Гольбаха часть, посвященная физике, тоже является соединением французского материализма с английским, а учение о нравственности опирается на мораль Гельвеция.

На связь французского материализма с Декартом (философия Ламёттри) с одной стороны и с Локком — с другой, указывали еще и до Маркса. Для нас, марксистов, еще важнее связь материализма XVIII столетия с английским и французским коммунизмом, связь, которую впервые подчеркнул Маркс.

Именно то направление французского материализма, во главе которого стоял Гельвеций, «приводит, по словам Маркса, непосредственно к социализму и коммунизму».

«Не надо большого ума, чтобы понять необходимую связь, существующую между учениями французского материализма о природной склонности к добру и о равенстве умственных способностей всех людей, о всемогуществе опыта, привычки, воспитания, о влиянии на человека внешних обстоятельств, о высоком значении промышленности, о нравственной правомерности наслаждения и т. д. — с коммунизмом и социализмом. Если человек черпает все свои ощущения, знания и т. д.; из внешнего мира и из опыта, приобретаемого от этого мира, то надо, стало быть, так устроить окружающий его мир, чтобы человек получил из этого мира достойные его впечатления, чтобы он привыкал к истинно человеческим отношениям, чтобы он чувствовал себя человеком. Если правильно понятый личный интерес есть основа всякой нравственности, то надо, стало быть, позаботиться о том, чтобы интересы отдельного человека совпадали с интересами человечества. Если человек не свободен, в материалистическом смысле этого слова, т. е., если его свобода заключается не

в отрицательной способности избегать тех или иных поступков, а в положительной возможности проявления своих личных свойств, то надо, стало быть, не карать отдельных лиц за их преступления, а уничтожить противобщественные источники преступлений и отвести в обществе свободное место для деятельности каждого отдельного человека. Если человеческий характер создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать эти обстоятельства достойными человека. Если природа предназначила человека к общественной жизни, то, стало быть, только в обществе он обнаруживает свою истинную природу. Силу его природы надо изучать не на отдельных личностях, а на целом обществе».

И Маркс приводит ряд цитат, главным образом из Гельвеция, чтобы доказать, что «эти и подобные этим положения встречаются даже у самых старых французских материалистов».

Гельвеций оказал влияние не только на французских социалистов и коммунистов—Фурье, Бабефа, Дэзами,—но и на Оуэна, чрез посредство Бентама, который построил свою систему правильно понятого интереса на морали Гельвеция¹⁾.

И на русских революционеров первой четверти XIX столетия Гельвеций оказал глубокое влияние. Не говоря о Радищеве и его рано умершем друге, Ушакове, которые по признанию самого Радищева на книге Гельвеция «мыслить научились» многие декабристы—Пестель и др.—усердно читали Гельвеция. Это непосредственное влияние прекратилось с тридцатых годов. Русские материалисты 50-х и 60-х годов развивались под другими влияниями, но даже у Добролюбова и Чернышевского, воспитавшихся на Фейербахе, мы находим много отголосков французского материализма XVIII столетия, в особенности рассуждений Гельвеция.

Только после революции 1905 г., когда критика религии и традиционной морали пробилась себе дорогу в легальную литературу, начинает усиливаться—с легкой руки Плеханова—интерес к изучению французского материализма XVIII столетия. Затем, под непосредственным руководством самого Плеханова, библиотека философов-материалистов. Переводятся сочинения

¹⁾ В первом томе «Капитала» Маркс говорит, что Бентам «лишь бездарно повторял то, что даровито излагал Гельвеций и др. французы XVIII столетия».

Ламеттри, Дидро и др. ¹⁾). В 1917 г. Петроградское Философское Общество издает полный перевод одного из главных произведений Гельвеция, ²⁾ поручив, правда, редакцию одному из тех «возвышенных» философов, для которых философские воззрения Гельвеция «и слабы и несколько изменны»!

Третий очерк, посвященный Марксу, только местами совпадает с главами IV и V («Идеалистическая немецкая философия и современный материализм»), книги «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». В более концентрированной форме и в то же время совершенно свободной от необходимости считаться с требованиями царской цензуры, этот очерк дает прекрасное изложение материалистического понимания истории, поскольку оно является «алгеброй социальной революции».

В заключение несколько слов о переводе и примечаниях.

В основу очерка о Гольбахе положена статья о нем Плеханова, напечатанная по-русски в 1897 г. ³⁾. Все места, выпущенные в силу цензурных условий, восстановлены по немецкому тексту. Что касается очерков о Гельвеции и Марксе, то всюду, где это было возможно, использованы соответствующие места из книги Плеханова.

Мы ограничились примечаниями только к тем местам, которые нуждаются в особых пояснениях и даем сведения только о тех авторах, которые игнорируются в обычных справочниках.

Д. Рязанов.

---

¹⁾ Ламеттри, — «Человек-машина». Перевод со вступительной статьей и примечаниями Виктора Констанса (Сереженикова), Петербург 1911 г.
Дидро. «Избранные философские сочинения» Перевод с примечаниями В. Сереженикова. Петербург 1913 г.

²⁾ Гельвеций. — «Об уме». Перевод под редакцией и с введением Э. Радлова. Петроград 1917 г.

³⁾ Б-тов, Н. — «Один из философов XVIII века. (Гольбах)» «Научное Обозрение», 1897 г. Январь и февраль.